

Уединенный домик на Васильевском¹

Повесть

Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга². Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных, огромных строений, — и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косою в сонные воды залива³. По мере приближения к этой оконечности каменные здания, редя, уступают место деревянным хижинам; между семи хижинами проглядывают пустыри; наконец, строение вовсе исчезает, и вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями; ров, заросший высокою крапивою и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий; а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье. И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова, — все погребено в седые сугробы, как будто в могилу.

Несколько десятков лет тому назад⁴, когда сей околоток был еще уединеннее, в низком, но опрятном деревянном домике около означенной возвышенности жила старушка, вдова одного чиновника, служившего не помню в которой из Коллегий⁵. Оставляя службу, он купил этот домик вместе с огородом и намерен был завести небольшое хозяйство; но кончина помешала исполнению дальних его замыслов; вдова вскоре нашла себя принужденною продать все, кроме дома, и жить малым денежным достатком, накопленным невинными, а может быть, отчасти и грешными трудами покойного. Все ее семейство составляли дочь и престарелая служанка, бывшая в должности горничной и вместе кухарки. Вдалеке от света, вела она тихую жизнь, которая при всем своем однообразии казалась бы счастливою. По праздникам в церковь; по будням утро за работою; после обеда мать вяжет чулок⁶, а молодая Вера читает ей Минею⁷ и другие священные книги или занимается с нею гаданием в карты — препровождение времени, которое и ныне в обыкновении у женщин. Вера давно уже достигла того возраста, ког-

да девушки начинают думать, как говорится в просторечии, о том, как бы пристроиться; но главную черту ее нрава составляла младенческая простота сердца; она любила мать, любила по привычке свои вседневные занятия и, довольная настоящим, не питала в душе черных предчувствий насчет будущего. Старушка-мать думала иначе: с грустью помышляла она о преклонных годах своих, с отчаянием смотрела на расцветшую красоту двадцатилетней дочери, которой в бедном одиночестве не было надежды когда-либо найти супруга-покровителя. Все это иногда заставляло ее тосковать и тайно плакать; с другими старухами она, не знаю почему, водилась вовсе не охотно; зато уж и старухи не слишком ее жаловали; они толковали, будто с мужем жила она под конец дурно, утешать ее ходил подозрительный приятель; муж умер скоропостижно и — Бог знает чего не придумает злоречие.

Одиночество, в коем жила Вера с своей матерью, изредка было развлекаемо посещениями молодого, достаточно отдаленного родственника, который за несколько лет приехал из своей деревни служить в Петербурге. Мы условимся называть его Павлом. Он звал Веру сестрицею, любил ее, как всякий молодой человек любит пригожую, любезную девушку, угождал ее матери, у которой и был, как говорится, на примете. Но о союзе с ним напрасно было думать: он не мог часто навещать семью Васильевского острова. Этому мешали не дела и не служба: он тем и другим занимался довольно небрежно; жизнь его состояла из досугов почти непрерывных. Павел принадлежал к числу тех рассудительных юношей, которые терпеть не могут излишества в двух вещах: во времени и в деньгах. Он, как водится, искал, и приискал услужливых товарищей, которые охотно избавляли его от сих совершенно лишних отягощений и на его деньги помогали ему издерживать время. Картежная игра, увеселения, ночные прогулки, — все призвано было в помощь; и Павел был счастливейшим из смертных, ибо не видал, как утекали дни за днями и месяцы за месяцами. Разумеется, не обходилось и без неприятностей: иногда кошелек опустеет, иногда совесть проснется в душе, в виде раскаяния или мрачного предчувствия. Чтобы облегчить сие новое бремя, он сперва держался обыкновения посещать Веру. Но мог ли он без угрызений сравнить себя с этой невинною, добродетельною девушкой? Итак, необходимо было искать другого средства. Он скоро нашел его в одном из своих соучастников веселия, из которого сделал себе друга. Этот друг, которого Павел знал под именем Варфоломея, часто наставлял его на такие проказы, какие и в голову не пришли бы простодушному Павлу; зато он умел всегда и выпутать его из опасных последствий; главное же, неоспоримое право Варфоломея на титул друга состояло в том, что он в нужде снабжал на-

шего юношу припасом, которого излишество тягостно, а недостаток еще тягостнее, — именно деньгами. Он так легко и скоро доставал их во всяком случае, что Павлу на сей счет приходили иногда в голову странные подозрения; он даже решался выпытать сию тайну от самого Варфоломея; но как скоро хотел приступить к своим расспросам, сей последний одним взглядом его обезоруживал. Притом: «Что мне за дело, — думал Павел, — какими средствами он добывает деньги? Ведь я за него не пойду на каторгу... ни в ад!» — прибавлял он тихомолком от своей совести. Варфоломей к тому же имел искусство убеждать и силу нравиться, хотя в невольных его порывах нередко обнаруживалось жестокосердие. Я забыл еще сказать, что его никогда не видали в православной церкви; но Павел и сам был не слишком богомолен; притом Варфоломей говаривал, что он принадлежит не к нашему исповеданию⁸. Короче, наш юноша наконец совершенно покорился влиянию избранного им друга.

Однажды в день воскресный, после ночи, потерянной в рассеянности, Павел проснулся поздно поутру. Раскаяние, недоверие давно так его не мучили. Первая мысль его была идти в церковь, где давно, давно он не присутствовал. Но, взглянув на часы, он увидел, что проспал час обедни. Яркое солнце высоко блистало на горячем летнем небосклоне. Он невольно вспомнил о Васильевском острове. «Как виноват я перед старухой, — сказал он себе, — в последний раз я был у ней, когда снег еще не стаял. Как весело теперь в уединенном сельском домике. Милая Вера! Она меня любит, может быть, жалеет, что давно не видала меня, может быть...» Подумал и решился провести день на Васильевском. Лишь только, одевшись, он вышел со двора, откуда ни возьмись Варфоломей навстречу. Неприятна была встреча для Павла; но свернуть было некуда.

— А я к тебе, товарищ! — закричал Варфоломей издали. — Хотел звать тебя, где третьего дня были.

— Мне сегодня некогда, — сухо отвечал Павел.

— Вот хорошо, некогда! Ты, пожалуй, захочешь меня уверить, что у тебя может быть дело. Вздор! Пойдем.

— Говорю тебе, некогда; я должен быть у одной родственницы, — сказал Павел, выпутывая руку свою из холодной руки Варфоломея⁹.

— Да! Да! Я и забыл об твоей васильевской ведьме. Кстати, я от тебя слышал, что твоя сестрица довольно мила; скажи, пожалуй, сколько лет ей?

— А мне почему знать? Я не крестил ее!

— Я сам никого не крестил отроду, а знаю наперечет и твои лета, и всех, кто со мной запанибрата.

— Тем для тебя лучше, однако...

— Однако не в том дело, — прервал Варфоломей, — я давно хотел туда забраться с твоею помощью. Нынче погода чудная; я рад погулять. Веди меня с собою.

— Ей-ей, не могу, — отвечал Павел с неудовольствием, — они не любят незнакомцев. Прощай, мне нельзя терять времени.

— Послушай, Павел, — сказал Варфоломей, сердито останавливая его рукою и бросая на него тот взгляд, который всегда имел на слабого юношу неодолимое действие. — Я не узнаю тебя. Вчера ты скакал, как сорока, а теперь надулся, как индейский петух. Что это значит? Я не в одно место возил тебя из дружбы; потому и от тебя могу того же требовать.

— Так! — отвечал Павел в смущении. — Но теперь не могу исполнить этого, ибо... ибо знаю, что тебе там будет скучно.

— Пустая отговорка; если хочу, стало, не скучно. Веди меня непременно; иначе ты не друг мне.

Павел замялся; наконец, собравшись с духом, сказал:

— Слушай, ты мне друг! Но в этих случаях, я знаю, для тебя нет ничего святого. Вера хороша, непорочна, как ангел, но сердце ее просто. Дашь ли ты мне честное слово не расставлять сетей ее невинности?

— Вот нашел присяжного волокиту, — прервал Варфоломей с каким-то адским смехом. — И без нее, брат, много есть девчонок в городе. Да что толковать долго? Честного слова я не дам: ты должен мне верить или со мной рассориться. Веди меня с собою или — давай левую.

Юноша взглянул на грозное лицо Варфоломея, вспомнил, что и честь его, и самое имущество находятся во власти этого человека и ссора с ним есть гибель; сердце его содрогнулось; он употребил еще несколько слабых возражений и согласился.

Старушка от всей души благодарила Павла за новое знакомство; степенный, тщательно одетый товарищ его крайне ей понравился; она, по своему обыкновению, видела в нем выгодного женишка для своей Веры. Впечатление, произведенное Варфоломеем на сию последнюю, было не столь выгодно: она робким приветствием отвечала на поклон его, и живые ланиты ее покрылись внезапною бледностию. Черты Варфоломея были знакомы Вере. Два раза, выходя из храма Божия, с душою, полною смиренными, набожными чувствами, она замечала его стоящим у каменного столпа притвора церковного и устремляющим на нее взор, который пресекал все набожные помыслы и, как рана, оставался у нее врезанным в душу. Но не любовной силою приковал этот взор бедную девушку, а каким-то страхом, неизъяснимым для нее самой. Варфоломей был статен, имел лицо правильное; но это лицо не

отражало души, подобно зеркалу, а, подобно личине, скрывало все ее движения; и на его челе, видимо спокойном, Галль верно заметил бы орган высокомерия¹⁰, порока отверженных.

Впрочем, Вера умела скрыть свое смущение, и едва ли кто заметил его, кроме Варфоломея. Он завел разговор общий и был любезнее, умнее, чем когда-нибудь. Часы проходили неприметно; после обеда предложена прогулка на взморье, по окончании которой все воротились домой и старушка принялась за любимое свое препровождение вечера — гадание в карты. Но сколько ни трудилась она раскладывать, как нарочно, ничего не выходило. Варфоломей подошел к ней, оставя в другом углу своего друга в разговоре с Верою. Видя досаду старухи, он заметил ей, что по ее способу раскладывания нельзя узнать будущего и карты, как они теперь лежат, показывают прошедшее. «Ах, мой батюшка! Да вы, я вижу, мастер; растолкуйте мне, что же они показывают?» — спросила старушка с видом сомнения. «А вот что», — отвечал он и, придвинув кресла, говорил долго и тихо. Что говорил? Бог весть, только кончилось тем, что она от него услышала такие тайны жизни и кончины покойного сожителя, которые почитала Богу да ей одной известными. Холодный пот проступил на морщинах лица ее, седые волосы стали дыбиться под чепцом; она, дрожа, перекрестилась. Варфоломей поспешно отошел; он с прежнею свободою вмешался в разговор молодежи; и беседа, верно, продлилась бы до полночи, если б наши гости не поторопились, представляя, что скоро будут разводить мост и им придется ночевать на вольном воздухе.

Не станем описывать много других свиданий, которые друзья наши имели вместе на Васильевском в продолжение лета. Для вас довольно знать, что в течение сего времени Варфоломей все более и более вкрадывался в доверенность вдовы; добродушная Вера, которая привыкла согласоваться слепо с чувствами своей матери, забывала понемногу неприятное впечатление, сперва произведенное незнакомцем; но Павел оставался для нее предметом предпочтения нескрытного, и если сказать правду, так было за что: частые свидания с молодою родственницей возымели на юношу преблагоприятное действие: он начал прилежнее заниматься службою, бросил многие беспутные знакомства, словом, захотел быть порядочным человеком; с другой стороны, беспечный его нрав покорялся влиянию привычки, и ему изредка казалось, что он может быть счастлив такою супругою, как Вера.

Предпочтение этой прелестной девушки к товарищу, казалось, должно бы оскорбить неукротимое самолюбие Варфоломея; однако он не только не изъявлял неудовольствия, но обращался с Павлом радужнее, ласковее прежнего; Павел, платя ему дружеством искренним,

совершенно откинул все сомнения насчет замыслов Варфоломея, принимал все его советы, поверял ему все тайны души своей. Однажды зашла у них речь о своих взаимных достоинствах и слабостях — что весьма обыкновенно в дружеской беседе на четыре глаза. «Ты знаешь, я не люблю лести, — говорил Варфоломей, — но откровенно скажу, друг мой, что я замечаю в тебе с недавнего времени весьма выгодную перемену; и не один я, многие говорят, что в последние шесть месяцев ты созрел больше, чем другие созревают в шесть лет. Теперь недостает тебе только одного: навыка жить в свете. Не шути этим словом; я сам никогда не был охотником до света, я знаю, что он нуль; но этот нуль десятирует достоинство единицы. Предвижу твоё возражение: ты думаешь жениться на Вере (при сих словах Варфоломей остановился на минуту, как будто забывшись)... ты думаешь на ней жениться, — продолжал он, — и ничего не хочешь знать, кроме счастья семейного да любви будущей супруги. То-то и есть: вы, молодежь, воображаете, что обвенчался, так и бал кончен; ан только начинается. Помяни ты мое слово: поживешь с женою год, опять вспомнишь об людях; но тогда уж потруднее будет втереться в общество. Притом люди необходимы, особливо человеку семейному: у нас без покровителей и правды не добудешь. Может быть, еще тебя страшит громкое имя: большой свет? Успокойся: это манежная лошадь; она очень смирна, но кажется опасною потому, что у нее есть свои привычки, к которым надо применить-ся. Да к чему тратить слова по-пустому? Лучше поверь их истину на опыте. Послезавтра вечер у графини И.; ты имеешь случай туда ехать. Я вчера у нее был, говорили об тебе, и она сказала, что желает видеть твою бесценную особу».

Сии слова, подобно яду, имеющему силу переверотить внутренность, превратили все прежние замыслы и желания юноши; никогда не бывалый в большом свете, он решился пуститься в этот вихрь, и в условленный вечер его увидели в гостиной графини. Дом ее стоял в не очень шумной улице и снаружи не представлял ничего отличного; но внутри — богатое убранство, освещение. Варфоломей уже заранее уведомил Павла, что на первый взгляд иное покажется ему странным: ибо графиня недавно приехала из чужих краев, живет на тамошний лад и принимает к себе общество небольшое, но зато лучшее в городе. Они застали нескольких пожилых людей, которые отличались высокими париками, шароварами огромной ширины и не скидали перчаток во весь вечер. Это не совсем согласовалось с тогдашними модами среднего петербургского общества, которые одни были известны Павлу, но Павел уже положил себе за правило не удивляться ничему, да и когда ему было заметить сии мелочи? Его вниманием овладела хозяйка со-

вершенно. Вообразите себе женщину знатную, в пышном цвете юности, одаренную всеми прелестями, какими природа и искусство могут украсить женский пол на пагубу потомков Адамовых, прибавьте, что она потеряла мужа и в обращении с мужчинами может позволить себе ту смелость, которая более всего пленяет неопытного. При таких искушениях мог ли девственный образ Веры оставаться в сердце переменчивого Павла? Страсти загорелись в нем; он все употребил, чтобы снискать благоволение красавицы, и после повторенных посещений заметил, что она равнодушна к его стараниям. Какое открытие для пламенного юноши! Павел не видал земли под собою, он уже мечтал... Но случилась неприятность, которая разрушила все его отважные воздушные замки. Однажды, будучи в довольно многочисленном обществе у графини, он увидел, что она в стороне говорит тихо с одним мужчиною; надобно заметить, что этот молодец щеголял непомерным образом и, несмотря на все старания, не мог, однако, скрыть телесного недостатка, за который Павел с Варфоломеем заочно ему дали прозвание косоногого; любопытство, ревность заставили Павла подойти ближе, и ему послышалось, что мужчина произносит его имя, шутит над его дурным французским выговором, а графиня изволит отвечать на это усмешками. Наш юноша взбесился, хотел тут же броситься и наказать насмешника¹¹, но удержался при мысли, что это подвергнет его новому, всеобщему посмеянию. Он тот же час оставил беседу, не говоря ни слова, и поклялся век не видеть графиню.

Растревоженный в душе, он опять вспомнил о давно покинутой им Вере, как грешник среди бездны разврата вспоминает о пути спасения. Но на этот раз он не нашел близ милой девушки желаемой отрады; Варфоломей хозяином господствовал в доме, и того, кто ввел его туда за несколько месяцев, принимал уже как гостя постороннего. Старуха была больна, и не на шутку. Вера казалась в страшных суетах и развлечении; Павла приняла она с необычайною холодностию и, занимаясь им, сколько необходимо требовало приличие, готовила лекарства, бегала за служанкою, ухаживала за больною и нередко призывала Варфоломея к себе в помощь. Все это, разумеется, было странно и досаждало Павлу, на которого теперь, как на бедного Макара, валилась одна неудача за другою. Он хотел было затеять объяснение, но побоялся растревожить больную старуху и Веру, без того уже расстроенную болезнию матери. Оставалось одно средство — объясниться с Варфоломеем. Приняв такое решение, Павел, извиняясь головою болью, откланялся немного спустя после обеда и, не удержанный никем, уехал, намекнув Варфоломею с некоторою крутостию, что желает его видеть в завтрашнее утро.

Чтобы вообразить себе то состояние, в каком несчастный Павел ожидал на другой день своего бывшего друга и настоящего соперника, должно понять все различные страсти, которые в то время боролись в душе его и, как хищные птицы, словно хотели разорвать между собою свою жертву. Он поклялся забыть навеки графиню и между тем в сердце пылал любовью к изменнице; привязанность его к Вере была не столь пламенна; но он любил ее любовью братскою, дорожил добрым ее мнением, а в нем почитал себя потерянным надолго, если не навеки. Кто же был виновник всех этих напастей? Коварный Варфоломей, этот человек, которого он некогда называл своим другом и который, по его мнению, так жестоко обманул его доверенность. С каким нетерпением ждал его к себе Павел, с какою досадою он смотрел на улицу, где бушевала точно такая же метель, как и в душе его. «Бездельник, — думал он, — воспользуется непогодой, он избежит моей правдивой мести; он лишит меня последней отрады — сказать ему в бесстыдные глаза, до какой степени я его ненавижу!»

Но в то время, как Павел мучился сомнением, отворилась дверь и Варфоломей вошел с таким же мраморным спокойствием, с каким статуя Командора приходит на ужин к Дон-Жуану¹². Однако лицо его вскоре приняло выражение более человеческое; он приблизился к Павлу и сказал ему с видом сострадательной приязни:

— Ты на себя не похож, друг мой; что причиною твоей горести? Открой мне свое сердце.

— Я тебе не друг! — закричал Павел, отскочив от него в другой угол комнаты, как от лютой змеи; дрожа всеми составами, с глазами, налитыми кровью и слезами, юноша опрометью высказал все чувства души, может быть и несправедливо разгневанной.

Варфоломей выслушал его с каким-то обидным равнодушием и потом сказал:

— Речь твоя дерзка и была бы достойна наказания; но я тебе прощаю; ты молод и цены еще не знаешь ни словам, ни людям. Не так говорил ты со мною, бывало, когда без моей помощи приходилось тебе хоть шею совать в петлю. Но теперь все это забыто, потому что холодный прием девушки раздражил твою самолюбивую душонку. Изволишь пропадать по целым месяцам, творишь неведомо с кем неведомо какие проказы; а я за него терпи и не ходи, куда мне хочется. Нет, сударь; буду ходить к старухе, хоть бы тебе одному назло. Притом у меня есть и другие причины: не стану таить их — знай, Вера влюблена в меня.

— Лжешь, негодяй! — воскликнул Павел в исступлении. — Может ли ангел любить дьявола?

— Тебе простительно не верить, — отвечал Варфоломей с усмешкою, — природа меня не изукрасила наравне с тобою; зато ты и пленяешь знатных барынь, и пленяешь навеки, постоянно, неизменно.

Этой насмешки Павел не мог вынести, тем более что он давно подзревал Варфоломея в содействии к его разладу с графиней. Он в ярости кинулся на соперника, хотел убить его на месте; но в эту минуту он почувствовал себя ударенным под лодку; у него дух занялся, и удар, без всякой боли, на миг привел его в беспамятство. Очнувшись, он нашел себя у противной стены комнаты, дверь была затворена, Варфоломея не было, и, как будто из просонок, он вспоминал последние слова его: «Потише, молодой человек, ты не с своим братом связался».

Павел дрожал от ужаса и гнева; тысячи мыслей быстро сменялись в голове его. То решался он отыскать Варфоломея хоть на краю света и разозлить ему череп; то хотел идти к старухе и обнаружить ей и Вере все прежние проказы изменника; вспоминал об очаровательной графине, хотел то заколоть ее, то объяснить с нею, не изменяя прежнему решению: последнее согласить, конечно, было трудно. Грудь его стеснилась; он как полоумный выбежал на двор, чувствуя в себе признаки воспалительной горячки; бледный, в беспорядке, рыскал он по улицам и, верно, нашел бы развязку всем сомнениям в глубокой Неве, если б она, к счастью, не была закутана в то время ледяною своей шубою.

Утомилась ли судьба преследовать Павла или хотела только сильнее уязвить его минутным роздыхом в несчастиях, он, воротясь домой, был встречен неожиданным исполнением главного своего желания. В прихожей дождал его богато одетый слуга графини И., который вручил ему записку; Павел с трепетом разворачивает и читает следующие слова, начертанные слишком ему знакомою рукою графини.

«Злые люди хотели поссорить нас; я все знаю; если в вас осталась капля любви ко мне, капля сострадания, придите в таком-то часу вечера. Вечно твоя И.»

Как глупы любовники! Павел, пробежав сии магические строки, забыл и дружбу Веры, и неприязнь Варфоломея; весь мир, настоящий, прошедший и грядущий, стеснился для него в лоскутке бумаги; он прижимает к сердцу, целует его, подносит несколько раз к свету. «Нет! — восклицает он в восторге. — Это не обман; я точно, точно счастлив; так не напишет, не может написать никто, кроме нее одной. Но не хочет ли плутовка зазвать и морочить меня и издеваться надо мною по-прежнему? Нет! клянусь, не бывать этому. “Твоя — вечно твоя”, пусть растолкует мне на опыте, что значит это слово. Не то... добрая слава ее теперь в моих руках».

В урочный час наш Павел, пригожий и разряженный, уже на широкой лестнице графини; его без доклада провожают в гостиную, где, к его досаде, собралось уже несколько посетителей, между которыми, однако, не было косоногого. Хозяйка приветствует его сухо, едва говорит с ним; но она не даром на него уставила большие черные глаза свои и томно опустила их: мистическая азбука любящих, непонятная профанам. Гости принимаются за игру; хозяйка, отказываясь, уверяет, что ей приятно садиться близ каждого из игроков поочередно, ибо она надеется ему принести счастье. Все не надвигаясь ее тонкой вежливости. Немного спустя: «Вы у нас давно не были, — говорит графиня, оборачиваясь к юноше, — замечаете ли некоторые перемены в уборах этой комнаты? Вот, например, занавесы висели сперва на лавровых гирляндах; но мне лучше показалось заменить их стрелами». — «Недоставляет сердцец», — отвечает Павел полусухо, полувежливо. «Но не в одной гостиной, — продолжает графиня, — есть новые уборы, — и, вставая с кресел, — не хотите ли, — говорит она, — заглянуть в диванную; там развешены привезенные недавно гобелены отличного рисунка». Павел с поклоном идет за ней. Неизъяснимым чувством забилося его сердце, когда он вошел в эту очарованную комнату. Это была вместе зимняя оранжерея и диванная. Миртовые деревья, расставленные вдоль стен, укрощали яркость света канделябров, который, оставляя роскошные диваны в тени за деревьями, тихо разливался на гобеленовые обои, где в лицах являлись, внушая сладострастие, подвиги любви богов баснословных. Против анфилады стояло трюмо¹³, а возле, на стене, похищение Европы¹⁴ — доказательство власти красоты хоть из кого сделать скотину. У этого трюмо начинается роковое объяснение. Всякому просвещенному известно, что разговор любящих всегда есть самая жестокая амплификация¹⁵: итак, перескажу только сущность его. Графиня уверяла, что насмешки ее над дурным французским выговором относились не к Павлу, а к одному его соименнику, что она долго не могла понять причины его отсутствия, что наконец Варфоломей ее наставил, и проч., и проч. Павел, хотя ему казались странными сведения Варфоломея в таком деле, о котором никто ему не сказывал, и роль миротворца, которую он принял на себя в этом случае, поверил, разумеется, всему; однако упорно притворялся, что ничему не верит. «Какого же еще доказательства хотите вы?» — спросила наконец графиня с нежным нетерпением. Павел, как вежливый юноша, в ответ поцеловал жарко ее руку; она упрямылась, робела, спешила к гостям; он становился на колени и, крепко держа руки ее, грозил, что не выпустит, да к этому в прибавок сию же минуту застрелится. Сия тактика имела вожделенный успех — и тихое, дрожащее рукожатие с тихим ше-

потом: «Завтра, в 11 часов ночи, на заднее крыльцо» — громче пороха и пушек возвестили счастливому Павлу торжество его.

Графиня весьма кстати воротилась в гостиную; между двумя из игроков только что не дошло до драки. «Смотрите, — сказал один графине, запыхавшись от гнева, — я даром проигрываю несколько сот душ¹⁶, а он...» — «Вы хотите сказать, несколько сот рублей», — прервала она с важностью. «Да, да... я виноват... я ошибся», — отвечал спорщик, заикаясь и посматривая искоса на юношу. Игроки замяли спор, и всю суматоху как рукой сняло. Павел на сей раз пропустил все мимо ушей. Волнение души не позволило ему долго пробыть в обществе, он спешил домой предаться отдыху, но сон долго не опускался на его вежды; самая действительность была для него сладким сновидением. Распаленной его фантазии бессменно предстояли черные, большие, влажные очи красавицы. Они сопровождали его и во время сна; но сны, от предчувствия ли тайного, от волнения ли крови, всегда кончались чем-то странным. То прогуливался он по зеленой траве; перед ним возвышались два цветка, дивные красками; но лишь только касался он стебля, желая сорвать их, вдруг взвивалась черная, черная змея и обливала цветки ядом¹⁷. То смотрел он в зеркало прозрачного озера, на дне которого играли две золотые рыбки; но едва опускал он к ним руку, земноводное чудовище, страшая, пробуждало его. То ходил он ночью под благоуханным летним небосклоном, и на высоте сияли неразлучно две яркие звездочки; но не успевал он налюбоваться ими, как зарождалось черное пятно на темном западе и, растянувшись в длинного облачного змея, пожирало звездочки. Всякий раз, когда такое видение прерывало сон Павла, встревоженная мысль его невольно устремлялась на Варфоломея¹⁸; но чрез несколько времени черные глаза снова одерживали верх, откуда новый ужас не прерывал мечты пленительной. Несмотря на все это, Павел, проспавши до полудня, встал веселее, чем когда-нибудь. Остальные 11 часов дня, как водится, показались ему вечностию. Не успело смеркнуться, как он уже бродил вокруг дома графини; не принимали никого, не зажигали огня в парадных комнатах, только в одном дальнем углу слабо мерцал свет: «Там ждет меня прелестная», — думал про себя Павел — и заранее душа его утопала в наслаждении.

Протяжно пробило одиннадцать часов на Думской башне¹⁹, и Павел, любовью окриленный... Но здесь я прерву картину свою и в подражание лучшим классическим и романтическим писателям древнего, среднего и новейшего времени предоставляю вам дополнить ее собственным запасом воображения. Коротко и ясно: Павел думал уже вкушать блаженство... как вдруг постучались тихонько у двери кабинета; графиня в смущении отворят; доверенная горничная входит с

докладом, что на заднее крыльцо пришел человек, которому крайняя нужда видеть молодого господина. Павел сердится, велит сказать, что некогда, колеблется, выходит в прихожую, ему говорят, что незнакомый ушел сию минуту. Он возвращается к любезной. «Ничто с тобой не разлучит меня», — говорит он страстно. Но вот стучатся снова, и горничная входит с повторением прежнего. «Пошлите к черту незнакомца, — кричит Павел, топнув ногою, — или я убью его». Выходит, слышит, что и тот вышел; сбегает по лестнице на двор, — но там ничто не колыхнется, и лишь только снег безмолвно валит хлопьями на землю. Павел бранит слуг, запрещает пускать кого бы то ни было, возвращается пламеннее прежнего к встревоженной графине; но прошло несколько минут, и стучатся в третий раз, еще сильнее, продолжительнее. «Нет, полно! — закричал он вне себя от ярости. — Я доберусь, что тут за привидение; это какая-нибудь штука». Вбегая в прихожую, он видит край плаща, который едва успел скрыться за затворяемую дверь; опрометью накидывает он шинель, хватая трость, бежит на двор и слышит стук калитки, которая лишь только захлопнулась за кем-то. «Стой, стой, кто ты таков?» — кричит вслед ему Павел и, выскочив на улицу, издали видит высокого мужчину, который как будто останавливается, чтоб поманить ему рукою, и скрывается в боковой переулок. Нетерпеливый Павел за ним следует, кажется, нагоняет его; тот снова останавливается у боковой улицы, манит и исчезает. Таким образом юноша следит за незнакомцем из улицы в улицу, из закоулка в закоулочок и наконец находит себя по колена в сугробе между низенькими домами, на распутии, которого никогда отроду не видывал; а незнакомец пропал безо всякого следа. Павел остолбенел, и, признаюсь, никому бы не завидно, пробежав несколько верст, очнуться в снегу в глухую полночь у черта на куличках²⁰. Что делать? идти? — заплутаешься; стучаться у ближних ворот? — не добудишься. К неожиданной радости Павла проезжают сани. «Ванька!²¹ — кричит он. — Вези меня домой в такую-то улицу». Везет послушный Ванька невесть по каким местам, скрипит снег под санями, луна во вкусе Жуковского неверно светит путникам сквозь облака летучие²². Но едут долго, долго, все нет места знакомого; и наконец вовсе выезжают из города. Павлу пришли, естественно, на мысль все старые рассказы о мертвых телах, находимых на Волковом поле, об извозчиках, которые там режут седоков своих, и т. п. «Куда ты везешь меня?» — спросил он твердым голосом; не было ответа. Тут при свете луны он захотел всмотреться в жестяной билет извозчика и, к удивлению, заметил, что на этом билете не было означено ни части, ни квартала; но крупными цифрами странной формы и отлива написан был № 666, число Апокалипсиса²³, как он позднее вспомнил.

Укрепившись в подозрении, что он попал в руки недобрые, наш юноша еще громче повторил прежний вопрос и, не получив отзыва, со всего размаху ударил своей палкою по спине извозчика. Но каков был его ужас, когда этот удар произвел звон костей о кости, когда мнимый извозчик, оборотив голову, показал ему лицо мертвого остова²⁴ и когда это лицо, страшно оскалив челюсти, произнесло невнятным голосом: «Потише, молодой человек; ты *не с своим братом* связался». Несчастный юноша только имел силу сотворить знамение креста, от которого давно руки его отвыкли. Тут санки опрокинулись, раздался дикий хохот, пронесся страшный вихрь; экипаж, лошадь, ямщик — все сравнялось с снегом, и Павел остался один-одинехонек за городской заставою, еле живой от страха.

На другой день юноша лежал изнеможенный на кровати в своей комнате. Подле него стоял добрый престарелый дядька и, одной рукою держа вялую руку господина, часто отворачивался, чтобы стереть другою слезу, украдкой намернувшуюся на подслепую зеницу его. «Барин, барин, — говорил он, — недаром докладывал я вашей милости, что не бывать добра от ночной гульбы. Где вы пропадали? Что это с вами сделалось?» Павел не слышал его: он то дикими глазами глядел по несколько времени в угол, то впадал в дремоту, впросонках дрожал и смеялся, то вскакивал с постели как сумасшедший, звал имена женские, потом опять бросался лицом на подушки. «Бедный Павел Иванович! — думал про себя дядька. — Господь его помилуй, он, верно, ума лишился» — и в порыве добросердечия, улучив первую удобную минуту, побежал за врачом. Врач покачал головою, увидя больного, не узнававшего окружающих, и ощутив лихорадочный пульс его. Наружные признаки противоречили один другому, и по ним ничего нельзя было заключить о болезни: все подавало повод думать, что ее причина крылась в душе, а не в теле. Больной почти ничего не вспоминал о прошедшем; душа его, казалось, была замучена каким-то ужасным предчувствием. Врач, убежденный верным дядькою, с ним вместе не отходил целый день от одра юноши; к вечеру состояние больного сделалось отчаянно; он метался, плакал, ломал себе руки, говорил о Вере, о Васильевском острове, звал на помощь, к кому и кого, Бог весть, хватал шапку, рвался в дверь, и соединенные усилия врача и слуги едва смогли удержать его. Сей ужасный кризис продолжался за полночь; вдруг больной успокоился — ему стало легче; но силы душевные и телесные совершенно были убиты борьбою; он погрузился в мертвый сон, после коего прежний кризис возобновился.

Припадок одержал юношу полные трое суток с переменчивою силою; на третье утро, начиная чувствовать в себе более крепости, он вставал с постели, когда ему сказали, что в прихожей дожидается ста-

рая служанка вдовы. Сердце не предвещало ему доброго; он вышел; старушка плакала навзрыд. «Так! Еще несчастье! — сказал Павел, подходя к ней. — Не мучь меня, голубушка; все скорее выскажи». — «Барыня приказала долго жить, — отвечала старушка, — а барышне Бог весть, долго ли жить осталось». — «Как? Вера? Что?» — «Не теряйте слов, молодой барин: барышне нужна помощь. Я прибрела пешком; коли у вас доброе сердце, едемте к ней сию минуту; она в доме священника церкви Андрея Первозванного²⁵». — «В доме священника? Зачем?» — «Бога ради, одевайтесь, все после узнаете». Павел окутался, и поскакали на Васильевский.

Когда он в последний раз видел Веру и мать ее, вдова уже давно страдала болезнию, которая при ее преклонных годах оставляла немного надежды на исцеление. Слишком бедная, чтобы звать врача, она пользовалась единственно советами Варфоломея²⁶, который кроме других сведений хвалился некоторым знакомством с медициною. Деятельность его была неутомима: он успевал утешать Веру, ходить за больною, помогать служанке, бегать за лекарствами, которые приносил иногда с такою скоростью, что Вера дивилась, где он мог найти такую близкую аптеку. Лекарства, доставленные им, хотя и не всегда помогали больной, но постоянно придавали ей веселости. И странно, что чем ближе подходила она к гробу, тем неотлучнее пребывали ее мысли прикованы к житейскому. Она спала и видела о своем выздоровлении; а там — как ее дети Варфоломей и Вера пойдут под венец и начнут жить да поживать благополучно, боялась, не будет ли этот домик тесен для будущей семьи, удастся ли найти другой поближе к городу, и проч., и проч. Мутная невыразительность кончины была в ее глазах, когда она, подзвав будущих молодых к своей постели, с какою-то нелепою улыбкою говорила: «Не стыдись, моя Вера, поцелуйся с женихом своим; я боюсь ослепнуть, и тогда уже не удастся мне смотреть на ваше счастье». Между тем рука смерти все более и более тяготела над старухою: зрение и память час от часу тупели. В Варфоломее незаметно было горести; может быть, самые хлопоты, непрерывная беготня помогали ему рассеяться. Веру же тревожили размышления об матери, как и о самой себе. Какой невесте не бывает страшно перед браком? Однако она всячески старалась успокоить себя. «Я согрешила перед Богом, — думала девица, — не знаю, почему я сперва почла Варфоломея за лукавого, за злого человека. Но он гораздо лучше Павла; посмотрите, как он старается о матушке: сам себя, бедный, не жалеет — стало, он не злой человек». Вдруг мысли ее туманились. «Он крутого нрава, — говорила она себе, — когда чего не хочет и скажешь ему: Варфоломей, Бога ради это сделайте, — он задрожит и побледнеет. Но, — продолжала Вера, мизинцем

стирая со щеки слезинку, — ведь я сама не ангел; у всякого свой крест и свои пороки: я буду исправлять его, а он меня». Тут приходили ей на ум новые сомнения: «Он, кажется, богат; честными ли он средствами добыл себе деньги? Но это я выпрошу; ведь он меня любит». Так утешала себя добрая, невинная Вера; а старухе между тем все хуже да хуже. Вера сообщила свой страх Варфоломею, спрашивала даже, не нужно ли призвать духовника; но он горячился и сурово отвечал: «Хотите ускорить кончину матушки? Это лучший способ. Болезнь ее опасна, но еще не отчаянна. Что ее поддерживает? Надежда исцелиться. А призовем попа, так отнимем последнюю надежду». Робкая Вера соглашалась, побеждая тайный голос души; но в этот день — и заметьте, это было на другой день рокового свидания Павла с прелестною графиней — опасность слишком ясно поразила вешнее сердце дочери. Отозвав Варфоломея, она ему сказала решительным голосом: «Царем Небесным заклиная вас, не оставьте матушку умереть без покаяния: Бог знает, проживет ли она до завтра», — и упала на стул, заливаясь слезами. Что происходило тогда в Варфоломее? Глаза его катались, на лбу проступал пот, он силился что-то сказать и не мог выговорить. «Девичье малодушие, — пробормотал он напоследок. — Ты ничему не веришь... Вы, сударыня, не верите моему знанию медицины... Пойдите... у меня есть знакомый врач, который больше меня знает... жаль, далеко живет он». Тут он схватил руку девицы и, подведя ее стремительно к окну, показал на небо, не поднимая глаз своих: «Смотрите; там еще не явится первая звезда, как я буду назад, и тогда решимся; обещаете ли только не звать духовника до моего прихода?» — «Обещаю, обещаю». Тогда послышался протяжный вздох из спальни. «Спешите, — закричала Вера, бросаясь к дверям ее, потом оборотилась, взглянула еще раз с умилением грусти неописанной на вкопанного и, махнув ему рукою, повторила: — Спешите, ради меня, ради Бога». Варфоломей скрылся.

Мало-помалу зимний небосклон окутывался тучами, а в больной жизнь и тление выступали впоследствии на смертный поединок. Снег начинал падать; порывы летучего ветра заставляли трещать оконницы. При малейшем хрусте снега Вера подбегала к окну смотреть, не Варфоломей ли возвращается; но лишь кошка мяукала, галки клевались на воротах и калитку ветер отворял и захлопывал. Ночь с своей черной пеленою приспела преждевременно; Варфоломея нет как нет, и на своде небесном не блещет ни одной звезды. Вера решила послать по духовника старую служанку; долго не возвращалась она, и немудрено, потому что не было ни одной церкви ближе Андрея Первозванного²⁷. Но хлопнула калитка, и вместо кухарки явился Варфоломей, бледный и расстроенный. «Что? надежды нет?» — прошептала Вера. «Мало, — сказал он глухим голо-

сом, — я был у врача; далеко живет он, много знает...» — «Да что же говорит он, Бога ради?» — «Что до того нужды?.. За попом теперь посылать время. А! вижу; вы послали уже... туда и дорога!» — сказал он с какой-то сухостью, в которой обнаруживалось отчаяние.

Чрез несколько времени, уже в глухую ночь, старая служанка прибрела с вестью, что священника нет дома, но, когда воротится, ему скажут, и он тотчас придет к умирающей. Об этом решили предварить ее. «С умом ли вы, дети, — сказала она слабо, — неужто я так хвора? Вера! Что ты хныкаешь? Вынеси лампаду; сон меня поправит». Дочь лобызала руку матери, а Варфоломей во все время безмолвствовал поодаль, уставив на больную глаза, которые, когда лампада роняла на них свое мерцание, светились как уголья.

Вера с кухаркою стояли на коленях и молились. Варфоломей, лоямая себе руки, беспрестанно выходил в сени, жалуясь на жар в голове. Чрез полчаса он вошел в спальню и как сумасшедший выбежал оттуда с вестью: «Все кончено!». Не стану описывать, что в сию минуту почувствовала Вера! Однако сила ее духа была необычайная. «Боже! Это воля Твоя!» — произнесла она, поднимая руки к Небу; хотела идти; но телесные силы изменили, она полумертвая опустилась на кресла, и не стало бы несчастной, если б внезапный поток слез не облегчил ее стесненной груди. Между тем старуха, воя, обмыла труп, поставила свечу у изголовья и пошла за иконою; но тут же от усталости ли, от иной ли причины забылась сном неодолимым. В эту минуту Варфоломей подошел к Вере. У самого беса растаяло бы сердце: так она была прелестна в своей горести. «Ты меня не любишь, — воскликнул он страстно, — я с твоею матерью потерял единственную опору в твоём сердце». Девицу испугало его отчаяние. «Нет, я тебя люблю», — отвечала она боязливо. Он упал к ногам ее. «Клянись, — говорил он, — клянись, что ты моя, что любишь меня более души своей». Вера никогда не ожидала б такой страсти в этом холодном человеке. «Варфоломей, Варфоломей, — сказала она с робкою нежностью, — забудь грешные мысли в этот страшный час; я поклянусь, когда схороним матушку, когда священник в храме Божиим нас благословит...». Варфоломей не выслушал ее и как иступленный ну молоть околесную: уверял, что это все пустые обряды, что любящим не нужно их, звал ее с собою в какое-то дальнее отечество, обещал там осыпать блеском княжеским²⁸, обнимал ее колена со слезами. Он говорил с такую страстью, с таким жаром, что все чудеса, о которых рассказывал, в ту минуту казались вероятными. Вера уже чувствовала твердость свою скудеющей, опасность пробудила ее силу душевную; она вырвалась и побежала к дверям спальни, где думала найти служанку; Варфоломей заступил

ей дорогу и сказал уже с притворною холодностью, с глазами свирепыми: «Послушай, Вера, не упрячься; тебе не добудиться ни служанки, ни матери: никакая сила не защитит тебя от моей власти». — «Бог защитник невинных», — закричала бедняжка, в отчаянии бросаюсь на колени пред Распятием. Варфоломей остолбенел, его лицо изобразило бессильную злобу. «Если так, — возразил он, кусая себе губы, — если так... мне, разумеется, с тобою делать нечего; но я заставлю твою мать сделать тебя послушною». — «Разве она в твоей власти?» — спросила девица. «Посмотри», — отвечал он, уставивши глаза на полуотворенную дверь спальни, и Вере привиделось, будто две струи огня текут из его глаз и будто покойница при мерцании свечи нагоревшей приподнимает голову с мукою неописанной и иссохшею рукою машет ей к Варфоломею. Тут Вера увидела, с кем имеет дело. «Да воскреснет Бог! И ты исчезни, окаянный», — вскрикнула она, собрав всю силу духа, — и упала без памяти.

В этот миг словно пушечный выстрел пробудил спящую служанку. Она очнулась и в страхе увидела двери отворенными настежь, комнату в дыму и синее пламя, разбегавшееся по зеркалу и гардинам, которые покойница получила в подарок от Варфоломея. Первое ее движение было схватить кувшин воды, в углу стоявший, и выплеснуть на пол; но огонь заклокотал с удвоенною яростию и опалил седые волосы кухарки. Тут она без памяти вбежала в другую комнату с криком: «Пожар, пожар!». Увидя свою барышню на полу без чувства, схватила ее в охапку и, вероятно, получив от страха подкрепление своим дряхлым силам, вытащила ее на мост за ворота. Близкого жилья не было, помощи искать негде; пока она оттирала снегом виски полумертвой, пламя показалось из окон, из труб и над крышею. На зарево прискакала команда полицейская с ведрами, ухватами: ибо заливные трубы еще не были тогда в общем употреблении²⁹. Сбежалась толпа зрителей, и в числе их благочинный церкви Андрея Первозванного, который шел с дарами посетить умирающую. Он не был в особенных ладах с покойницей и считал ее за дурную женщину; но он любил Веру, о которой слышал много хорошего от дочери, и, соболезнуя несчастью, обещал деньги пожарным служителям, если успеют вытащить тело, чтобы доставить покойнице хоть погребение христианское. Но не тут-то было. Огонь, разносимый вьюгою, презирал все действие воды, все усилия человеческие; один полицейский капрал из молодцов задумал было ворваться в комнаты, дабы вынести труп; но пробыл минуту и выбежал в ужасе; он рассказывал, будто успел уже добраться до спальни и только что хотел подойти к одру умершей, как вдруг прыгнула сверху обрзина сатанинская, часть потолка с ужасным треском провалилась и

он только особенною милостию Николы Чудотворца уберег на плечах свою головушку, за что обещал тут же поставить полтинную³⁰ перед его образом. Между собою зрители толковали, что он трус и упавшее бревно показалось ему бесом; но капрал остался тверд в своем убеждении и до конца жизни проповедовал в шинках, что на своем веку лицезрел во плоти нечистого со хвостом, рогами и большим горбатым носом, которым он раздувал поломя, как мехами в кузнице. «Нет, братцы, не приведи вас Бог увидеть окаянного». Сим красноречивым обетом наш гений всегда заключал повесть свою, и хозяин, в награду его смелости и глубокого впечатления, произведенного рассказом на просвещенных слушателей, даром подносил ему полную стопу чистейшего пенника³¹.

Итак, невзирая на все старания команды, которой деятельным усилиям в сем случае потомство должно, впрочем, отдать полную справедливость, уединенный домик Васильевского острова сгорел до основания, и место, где стоял он, не знаю почему, до сих пор остается незастроенным. Престарелая служанка, при пособии благочинного с причетом приходским, воскресив Веру из обморока, нашла с нею убежище в доме сего достойного пастыря. Пожар случился столь нечаянно и все обстоятельства оною были так странны, что полиция нашла нужным о причинах его учинить подробное исследование. Но как подозрение не могло падать на старую служанку, а еще менее на Веру, то зажигателем, ясно, оказался Варфоломей. Описали его приметы, искали его явным и тайным образом не только во всех кварталах, но и во всем уезде Петербургском; но все было напрасно: не нашли и следов его, что было тем более удивительно, что зимою нет судоходства и, следственно, ему никакой не было возможности тихонько отплыть на иностранном корабле в чужие края. Неизвестно, до чего могло бы довести долгое исследование; но благочинный, любя Веру душевно и не зная, до какой глубины могли простираться ее связи с этим человеком, благоразумно употребил свое влияние, дабы потушить дело и не дать ему большей гласности.

Таким образом, Павел, за которым послали на третий день, узнав от старухи дорогою, что было ей известно из цепи несчастных приключений, нашел юную свою родственницу больную в жилище отца Иоанна. Гостеприимное семейство пригласило его остаться там до ее выздоровления. Ветреный молодой человек испытал в короткое время столько душевных ударов и сокровенные причины их оставались в таком ужасном мраке, что сие произвело действие неизгладимое на его воображение и характер. Он остепенился и нередко впадал в глубокую задумчивость. Он забывал и прелести таинственной графини, и бурные веселия юности, сопряженные с такими пагубными последствиями.

Одно его моление к Небу состояло в том, чтобы Вера исцелилась и он мог служить для ней образцом верного супруга. В минуты уединенного свидания он решался предлагать ей свои мысли; но она, впрочем оказывая ему сестрину доверчивость, с неизменною твердостью отвергала их. «Ты молод, Павел, — говорила она, — а я отцвела мой век; скоро примет меня могила, и там Бог милосердный, может быть, пошлет мне прощение и спокойствие». Эта мысль ни на час не оставляла Веру; притом ее, кажется, мучило тайное убеждение, что она своею слабостью допустила злодея совершить погибель матери в сей, а может быть — кто знает? — и в будущей жизни. Никакое врачество не могло возвратить ей ни веселости, ни здоровья. Поблекла свежесть ланит ее — небесные глаза, утратив прежнюю живость, еще пленяли томным выражением грусти, угнетавшей душу ее прекрасную. Весна не успела еще украсить луга новою зеленью, когда сей цветок, обещавший пышное развитие, сокрылся невозвратно в лоне природы восприимлющей.

Надобно догадываться, что Вера пред кончиною кроме духовного отца поверила и Павлу те обстоятельства последнего года своей жизни, которые могли быть ей одной известными. Когда она скончалась, юноша не плакал, не обнаруживал печали. Но вскоре потом он оставил столицу и, сопровождаемый престарелым слугою, поселился в дальней вотчине. Там во всем околотке слыл он чудачком и в самом деле показывал признаки помешательства. Не только соседи, но самые крестьяне и слуги после его приезда ни разу не видали его. Он отрастил себе бороду и волосы, не выходил по три месяца из кабинета, большую часть приказаний отдавал письменно, и то еще, когда положат на его стол бумагу к подписанию, случалось, что он вместо своего имени возвратит ее с чужою, странною подписью. Женщин не мог он видеть, а при внезапном появлении высокого белокурого человека с серыми глазами приходил в судороги, в бешенство³³. Однажды, шагая по своему обыкновению по комнате, он подошел к двери в то самое время, как Лаврентий отворил ее неожиданно, чтоб доложить ему о чем-то. Павел задрожал. «Ты — не я уморил ее», — сказал он отрывисто и через неделю просил прощенья у старого дядьки, ибо вытолкнул его так неосторожно, что тот едва не проломил себе затылок о простенок³². «После этого, — говорил Лаврентий, — я всегда прежде постучусь, а потом уже войду с докладом к его милости».

Павел умер, далеко не дожив до старости. Повесть его и Веры известна некоторым лицам среднего класса в Петербурге, чрез которых дошла и до меня по изустному преданию. Впрочем, почтенные читатели, вы лучше меня рассудите, можно ли ей поверить и откуда у чертей эта охота вмешиваться в людские дела, когда никто не просит их?

Примечания

¹ Согласно гипотезе Л. С. Зингера, заглавие могло принадлежать Пушкину, предвосхищая «Домик в Коломне» (*Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа // ВЛ. 1979. № 4. С. 208*). Существует также предположение, что это заглавие было предложено Титову А. А. Дельвигом (см.: *Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов (1807—1891) // Русская фантастическая проза эпохи романтизма: (1820—1840 гг.). Л., 1990. С. 605*), который был очень доволен повестью и заинтересован в ее публикации (см.: *Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 148*). Сама тема «Уединенного домика...» была ему близка: по свидетельству П. А. Вяземского, Дельвиг обдумывал создание сюжета, повествующего о драматической истории простого семейства, живущего в «одноэтажном низеньком домике с садиком» на Петербургской стороне (*Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 443—446*; как предполагал Б. В. Томашевский, о том же замысле упоминал Пушкин в своем «<Отрывке из воспоминаний о Дельвиге>» (1834—1836) — *Томашевский Б. В. А. А. Дельвиг // Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 29* (Б-ка поэта; Большая серия)).

² Васильевский остров — самый крупный остров в Невской дельте. Его западная сторона обращена к Финскому заливу, с юга остров омывает Большая Нева, с севера — Малая. В конце XVIII — начале XIX в. топография Васильевского острова действительно отличалась неоднородностью. В середине 1710-х гг. Петр I задумал разместить на Васильевском острове административный центр города и парадную царскую резиденцию. Участки на берегу Большой Невы отдавались под застройку лишь самым состоятельным гражданам. Здесь же размещались основные научные и учебные учреждения: Кунсткамера, Академия наук, Санкт-Петербургский университет, Академия художеств, Горное училище (ныне — Горный институт) и пр. К середине XVIII в., однако, административный центр столицы постепенно перемещался с Васильевского острова на левобережную (материковую) сторону, а масштабы строительства на острове сужались. По мере удаления от Большой Невы богато застроенная часть острова сменялась предместьями, а затем переходила в практически не обжитый пригород (подробнее см.: *Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2001. Т. 1, кн. 1. С. 163—166* (статья Г. Ю. Никитенко)).

³ Петровский (в начале XVIII в. — Столбовой) остров лежит в устье Малой Невы, между Васильевским и Фоминым островом (Петербургской стороной). По мнению А. А. Ахматовой, «северная сторона» — это остров Голодай (ныне остров Декабристов), входивший в Васильевскую часть (см.: *Ахматова А. А. Пушкин и Невское взморье // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 184*). По преданию, здесь были похоронены казненные декабристы (подробнее см.: *Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 135—136*), чем, как считала исследовательница, и объясняется сравнение описываемого пейзажа с могилой. Ахматова, таким образом, настаивала на

принадлежности вводной части повести не Титову, а Пушкину, связывая ее «географию» с размышлениями поэта о судьбе погибших декабристов и его поисками места их захоронения (подробнее см.: *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье. С. 184—195). По мысли Ахматовой, это же место послужило прототипом напоминающей пейзаж «Уединенного домика» картины «печального острова» в пушкинском стихотворном отрывке «Когда порой воспоминанье...» (1830), а также завершающего поэму «Медный всадник» описания «острова малого», где был похоронен Евгений (Там же. С. 185—187). Последнее утверждение было поддержано Ю. Б. Боровым (*Борев Ю. Б.* Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981. С. 341) и оспорено А. Е. Тарховым и Н. В. Измайловым, считавшими, что описанию могилы Евгения в «Медном всаднике» в большей степени отвечает топография не острова Голодай, а находившегося рядом острова Вольный (*Тархов А. Е.* Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. 1977. № 2. С. 64; *Пушкин А. С.* Медный всадник / Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л., 1978. С. 270 (Лит. памятники); с их мнением формально согласился Г. А. Невелев, допуская, однако, вероятность версии, предложенной Ахматовой (см.: *Невелев Г. А.* «Истина сильнее царя...». С. 133—134)). Трактовка вводной части «Уединенного домика» как описания пути к могиле декабристов была принята А. Ю. Черновым (*Чернов А. Ю.* Скорбный остров Гоноропуло: Путешествие. М., 1990. С. 15—17). На принадлежности данного фрагмента Пушкину настаивал А. Коджак. По его мнению, «описание северной части Васильевского острова настолько подробно, что слушатель как бы следует за рассказчиком пешком по этой окраине. <...> Во всяком случае, окраины могли быть известны только Пушкину, а не Титову, недавно приехавшему из Москвы, и, следовательно, последний передал описание ландшафта совершенно вслепую, но тем не менее точно» (*Коджак А.* Устная речь Пушкина в записи Титова // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Warsaw, August 21—27. 1973. Warsaw, 1973. Vol. 2. P. 324*). Сходная точка зрения была высказана Р. Шульцем (см.: *Шульц Р.* Пушкин и Книдский миф. München, 1985. С. 67).

Иного мнения придерживался Б. В. Томашевский, сближавший пейзаж из «Уединенного домика» с вступительным (а не завершающим, как считала А. А. Ахматова) описанием окраин Петербурга в «Медном всаднике», а также с «Домиком в Коломне» (см.: *Томашевский Б. В.* Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 26—27). Ю. М. Лотман соглашался с Томашевским, сомневаясь, что вводную часть повести правомерно связывать с декабристской тематикой. По словам исследователя, «Уединенный домик» «не был произведением конспиративным: Пушкин публично читал его по крайней мере дважды в обществе. Место захоронения декабристов, окруженное глубокой тайной, было сюжетом, категорически запрещенным». Кроме того, «описание места трагического мемориала в повести, которой развлекают дам», представлялось Лотману неуместным, с чем нельзя не согласиться. Частичное же сходство «Медного всадника» и «Домика в Коломне» с «Уединенным домиком», свидетельствует, по мнению исследователя, не о принадлежности последнего Пушкину, но о «устойчивой

жанровой традиции» (*Лотман Ю. М. Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 57—58*). Об этом косвенно свидетельствует близость открывающего повесть пейзажа началу «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина и описанию городских окраин в повести А. Погорельского «Лафертовская маковница» (Там же. С. 58).

⁴ Рассказчик относит действие повести к концу XVIII в. Ее стилистический строй также содержит в себе элементы архаичной, устарелой для пушкинского времени речевой системы (см.: *Коджак А. Устная речь Пушкина в записи Титова. Р. 325—327; Виноградов В. В. Сюжет о «Влюбленном бесе» в творчестве Пушкина и повести Тита Космокротова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском» // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 134*). А. Коджак (считавший «Уединенный домик» буквальной, «стенографической», записью новеллы Пушкина) видел здесь свидетельство стилизации поэтом своего рассказа, намеренного приближения к языку описываемой эпохи (см.: *Коджак А. Устная речь Пушкина в записи Титова. Р. 326—328, 336*). Пример подобной стилизации исследователь находил и в «Повестях Белкина» (речь шла о стиле письма соседа Белкина к издателю повестей) (Там же. Р. 326, подробный стилистический анализ: Р. 326—336). Коджак перечисляет также ряд сюжетных деталей повести, указывающих, по его мнению, на отнесенность действия к эпохе Екатерины II: «...муж у старухи служил в одной из Коллегий; гости у графини И. наряжены в высокие парики; убранство комнат выдержано в классическом стиле: занавесы висят на лавровых гирляндах, замененных графиней стрелами» (Там же. Р. 327). Этот перечень, однако, не дает достаточных оснований для сделанных исследователем выводов. В частности, «высокие парики», вероятнее всего, указывают не на моду XVIII в., а на демоническую сущность гостей графини, скрывающихся под париками рога, под шароварами — хвост, а под перчатками — когти. По мнению С. А. Фомичева, повесть Титова полностью лишена примет описываемой в ней эпохи (*Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 608*). См. также ниже примеч. 19 и 29.

⁵ *Коллегии* — отраслевые органы исполнительной власти в России XVIII — начала XIX вв. (подробнее см., например: Три века Санкт-Петербурга. Т. 1, кн. 1. С. 269—270 (статья Г. В. Калашникова)).

⁶ Р. Шульц (*Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. С. 72—73*) усматривает в описании быта обитателей уединенного домика сходство с рассказом Маргариты, героини «Фауста» И. В. Гете, повествующей возлюбленному о своей жизни (Ч. 1, сцена 12 («Сад»)):

Ja, unsre Wirtschaft ist nur klein,
Und doch will sie versehen sein.
Wir haben keine Magd; und kochen, fegen, stricken
Und nähen, und laufen früh und spät;
Und meine Mutter ist in allen Stücken
So akkurat!

<.....>

Mein Vater hinterließ ein hübsch Vermögen,
Ein Häuschen und ein Gärtchen vor der Stadt.
(Goethe I. W. Faust. 1. Urfaust. Faust. Ein Fragment.
Berlin, 1954. S. 101).

Да, хоть невелико
У нас хозяйство, все же нелегко
Его вести. Служанки нет: должна я
Варить, мести и шить; с рассвета на ногах...
А маменька во всем престокая такая
И аккуратна так, что просто страх!
<.....>
Отец покойный мой довольно был богат,
Оставил домик нам, а с ним и старый сад.

(Гете И. В. Фауст /

Пер. Н. А. Холодковского. М., 1962. С. 170).

⁷ «Четыи Минеи» («чтения ежемесячные») — сборники житий святых, расположенных по календарному принципу в соответствии с днями чествования церковью памяти каждого святого.

⁸ В традиционной народной культуре инородец или иноверец воспринимается, в частности, как носитель свойств потустороннего мира. Облик инородца принимают черт, водяной, леший; он обладает темной душой или вообще ее лишен. «Инородцам и чертям приписывают сходное поведение», а в представлениях об иноверцах доминирует «мотив праведности своей веры и греховности чужой» (Белова О. В. Инородец // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 414—418, цитата: С. 415—416). Традиция изображения «бесовского» как «чужеземного» находит отражение и в древнерусской литературе (подробнее см.: Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1916. С. 51), в частности — в «Повести о Савве Грудцыне», с которой сравнивали «Уединенный домик» (см.: Фомичев С. А. Пушкин рассказывает... // Фомичев С. А. Праздник жизни: Этюды о Пушкине. СПб., 1995. С. 132; Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. С. 69).

⁹ Внутренний холод мог атрибутироваться дьяволу: например, в «Божественной комедии» Данте («Ад», XXXIV) Сатана изображен наполовину вмерзшим в лед ада, символизирующий «холод нелюбви» (Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 39 (статья С. С. Аверинцева)).

¹⁰ Галль Франц Иосиф (Gall; 1758—1828) — австрийский врач, создатель френологии — учения о соотношении между психологическими и физическими свойствами человека и наружной формой его черепа. Пушкин иронически упоминает его в черновиках «Графа Нулина» (1825): «Граф местной памяти орган / Имел по Галевой примете...» (Акад. Т. 5. С. 171). Согласно учению Ф. И. Галля, орган высокомерия «означен на задней конечности стрелообразного края темянных костей. У людей виден позади самой макушки головы» (Пузино П. И. Краткое

начертание Галловой системы, или Наука о мозговых отправлениях. СПб., 1817. С. 52).

¹¹ Ахматова сопоставляла эпизод с участием косоногого с содержанием записки Пушкина от января — середины октября 1828 г. (?) к Н. В. Путьте (1802—1877) с просьбой быть посредником в намечавшейся дуэли поэта с секретарем французского посольства в Петербурге (1823—1825, 1828—1834) Т.-Ж. де Лагрэнэ (Lagrenée; 1800—1862): «Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагрэнэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его улышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на де Лагрэнэ для соответственных с ним переговоров» (Акад. Т. 14. С. 32, 391; оригинал по-франц.) (Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году <Уединенный домик на Васильевском> // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 159).

¹² Имеется в виду эпизод легенды о Дон Жуане, послужившей основой ряда произведений, например комедии Ж. Б. Мольера (Molière) «Dom Juan, ou le Festin de Pierre» (пост. 1665, изд. 1683; традиционный перевод заглавия в 1810-х гг. — «Дон Жуан, или Каменный гость»; дословный перевод второй части заглавия — «Каменный пир») (явление статуи Командора — д. 4, явл. 12) и оперы В. А. Моцарта «Наказанный развратник, или Дон Жуан» («Il Dissoluto punito, ossia Il Don Giovanni», 1787). Сюжет о Дон Жуане был разработан Пушкиным в трагедии «Каменный гость» (1830) (подробнее см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. (в печати) Т. 7. С. 823—825, 831—834, коммент. В. Е. Багно, М. Н. Виролайнен).

¹³ Ахматова сравнивала описание интерьера комнаты демонической графини с изображением кабинета княгини Нины в поэме Е. А. Баратынского «Бал» (1828):

Его любимые картины
У ней являлися. Не раз
Блистали новые уборы
В ее покоях, чтоб на час
Ему прельстить, потешить взоры.
Был втайне убран кабинет,
Где сладострастный полусвет,
Богинь роскошных изваянья,
Курений сладких легкий пар —
Животворили все желанья,
Вливая в сердце томный жар.

(Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 253
(Б-ка поэта; Большая серия)).

Как полагала Ахматова, образы княгини Нины и графини И. связаны общим прототипом: им послужила А. Ф. Закревская, предмет увлечения как Баратынского, так и Пушкина. Тем самым, по мысли исследовательницы, соответствующий фрагмент «Уединенного домика» необязательно восходит к «Балу», а представляет собой «воспоминание двух любовников

вамп-Закревской об ее покаях, где она их принимала. Это объяснение, которое начинается *возле трюмо*, которое замыкало анфиладу <...> дьявольски выпадает из топорной прозы Титова. Оно в самом деле *существовало*» (Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году. С. 161). Последнее утверждение вызвало возражения И. П. Смирнова, заметившего, что «мотив зеркала, выступающего как метафора инобытия (не забудем, что Павел объясняется с чертовкой), — это один из штампов фантастической прозы романтической и предромантической поры» (Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне» // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 209). Л. С. Зингер также сомневался в том, что прототипом демонической графини стала именно А. Ф. Закревская: она «приехала в Петербург летом 1828 г., то есть, по-видимому, уже после того, как рассказ Пушкина был записан Титовым» (Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 212). Биографическую гипотезу Ахматовой поддержал Р. Шульц. Сам исследователь рассматривал любовный треугольник «Вера — Павел — графиня И.» как литературную вариацию так называемого «книдского мифа» — «бродячего сюжета о разъединении мужчины и женщины потусторонними силами. Этот миф возник в начале н. э. на полуострове Книд <...> где <...> была воздвигнута Праксителива статуя Афродиты» (Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. С. 9). В роли антагониста, разделяющего влюбленных, зачастую выступала сама Афродита, или Венера, «превратившаяся в Средние века в злого демона любви» (Там же. С. 11). В этом отношении Шульц считает примечательным тот факт, что Пушкин в 1828 г. именует Закревскую «медной Венерой» (письмо к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. — Акад. Т. 14. С. 26) и перерисовывает ее портрет в зеркальном отражении (см. об этом: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1986. С. 204—205).

¹⁴ Согласно одному из греческих мифов, Зевс, влюбившись в финикийскую царевну Европу, похитил ее, приняв образ быка. На его спине Европа переплыла море и попала на Крит, где она разделила с Зевсом ложе и родила ему сыновей.

¹⁵ *Амплификация* (amplificatio — распространение, расширение (лат.)) — ораторский и стилистический прием нагнетания во фразе эпитетов, образов, синонимов, сравнений для усиления действия речи на читателя или слушателя.

¹⁶ По мнению Ю. М. Лотмана, «каламбурный эффект» этой сцены: «светские гости проигрывают в карты крепостные души, а черти ведут игру на человеческие души», — принадлежит скорее Пушкину, чем Титову (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман. Пушкин. С. 684).

¹⁷ А. Б. Ботникова (*Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература* (первая половина XIX века): К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977. С. 93) усматривает в сновидении Павла сходство с образами, преследующими героиню повести Э. Т. А. Гофмана (Hoffmann; 1776—1822) «Магнетизер» (1814), которая испытывает страх при виде цветущих лилий: «So hatte ich einen solchen Abscheu gegen lilien, das ich jedes Mal ohnmächtig wurde, sobald, mar es auch in weiter Ferne, eine blühte;

denn aus ihren Kelchen sah ich glatte, glänzende, züngelnde Basiliske auf mich zuspringen» (*Hoffmann E. T. A. Der Magnetiseur: Eine Familienbegebenheit // Hoffmann E. T. A. Phantasienstücke in Callot's Manier. Berlin, 1827. S. 217*) («Так, я чувствовала такое отвращение к лилиям, что мне каждый раз становилось дурно, как только, хрупкая, далеко вдали, одна из них расцвела; потому что я видела, как изнутри ее чашечки на меня выскакивают гладкие, лоснящиеся, извивающиеся василиски» — *нем.*). Примечательно, что в переводе Д. В. Веневитинова упоминание о василисках в этом месте отсутствует; ср.: «...я получила такое отвращение от лилий, что, увидев этот цветок, всегда падала в обморок» (*МВ. 1827. Ч. 5, № 19. С. 286*). Таким образом, возможное сходство данного фрагмента с текстом Гофмана говорит скорее в пользу авторства Титова, а не Пушкина, по всей вероятности не знакомого с немецким оригиналом.

¹⁸ Связь с образом змея, являющегося Павлу во сне, указывает на демоническую природу Варфоломея. Традиционное «представление о змее как существе нечистом и враждебном восходит к библейско-христианской традиции, рассматривающей змею как воплощение сатаны» (*Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 280—282, цитата: С. 280*). В Откровении Иоанна Богослова дьявол именуется «древним змием» — Откр. 12:9). В изданной в 1803 г. на русском языке книге В. Франца разъяснение смысла этого именованья (отсылающего к библейскому мифу о том, как сатана соблазнил Еву, приняв змеиный облик) сопровождается детальным сравнением повадок змей и дьявольских уловок (*[Франц В.] История о животных бессловесных, или Физическое описание известнейших зверей, птиц, рыб, земноводных, насекомых, червей и животнорастений, с присовокуплением нравоучительных уподоблений из природы их взятых / Пер. с лат. яз. М., 1803. Ч. 4. С. 29—32, 35, 37—38, 47—48*).

¹⁹ *Думская башня* на Невском проспекте возле Гостиного двора строилась по проекту архитектора Д. Феррари в 1799—1804 гг. Упоминание о ней является анахронизмом в повести, действие которой формально отнесено к концу XVIII в. (*Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 608*).

²⁰ Автор обыгрывает устойчивое языковое выражение, означающее «где-то далеко, неизвестно где» (*Михельсон М. И. Меткие и ходячие слова: Сб. русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. СПб., 1894. С. 525; Даль. В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб.; М., 1914. Т. 2. Стб. 554*), которое приобретает здесь буквальный смысл: Павел в итоге действительно оказывается в гостях у черта.

²¹ *Ванька* — в XIX в. бытовое название городского извозчика (Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2003. Т. 1. С. 240—241 (статья Е. В. Кардаш)).

²² По замечанию Н. Л. Степанова, в этой сцене «чувствуется явно пародийный оттенок, ироническая полемика с поэтикой ужаса, с кладбищенским романтизмом Жуковского», подчеркнутая непосредственной ссылкой на него (*Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным //*

Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 134). Данная точка зрения была поддержана С. А. Фомичевым, который указал на сходство «лунного» пейзажа со ст. 15—16 баллады В. А. Жуковского «Светлана» (1808—1812): «Тускло светится луна / В сумраке тумана...» (*Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2008. Т. 3. С. 32*). По мнению исследователя, дальнейшее описание ночной поездки Павла с извозчиком-мертвецом представляет собою пародию на соответствующие эпизоды баллад Жуковского «Светлана» и «Людмила» (1808) (см.: *Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 609*). Не исключено, что ирония автора повести вызвала негативную реакцию В. А. Жуковского, о чем упоминается в мемуарах А. И. Дельвига (вероятно, со слов А. А. Дельвига): «В “Северных цветах” 1829 г. была помещена повесть под заглавием: “Уединенный домик на Васильевском острове”, подписанная псевдонимом “Тит Космократов”, сочиненная В. Титовым (ныне членом Государственного Совета). Вскоре по выходе означенной книжки гуляли по Невскому проспекту Жуковский и Дельвиг; им встретился Титов. Дельвиг рекомендовал его, как молодого литератора, Жуковскому, который вслед за этой рекомендацией, не подозревая, что вышеупомянутая повесть сочинена Титовым, сказал Дельвигу: “Охота тебе, любезный Дельвиг, помещать в альманах такие длинные и бездарные повести какого-то псевдонима”. Это тем более было неловко, что Жуковский отличался особым добродушием и ко всем благоволил» (*Дельвиг А. И. Мои воспоминания. [М., 1912.] Т. 1. С. 58; см. также: П. в восп. Т. 2. С. 115—116*). По мнению Вяч. Вс. Иванова, описание облачного лунного пейзажа в «Уединенном домике» находит параллель в стихотворениях Пушкина «Зимняя дорога» (1826) и «Бесы» (1830) (*Иванов Вяч. Вс. Еще раз об «Уединенном домике на Васильевском» Пушкина // Звезда. 2001. № 6. С. 132*).

²³ 666 — число антихриста, согласно «Откровению Иоанна Богослова»: «Кто имеет ум, тот сочтет число зверя, ибо это число человеческое: число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:18).

²⁴ В. Ф. Ходасевич полагал, что эпизод ссоры Павла с извозчиком напоминает сцену вызова, который бросает герой «Медного всадника» памятнику Петра I: «Евгений только погрозил Всаднику, — Павел ударил извозчика палкой. Но в том, как ответили им и извозчик, и Всадник, есть одна существенная общая черта: оба медленно обратили головы и показали свои лица» (*Ходасевич В. Ф. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 44*).

²⁵ Имеется в виду собор во имя Святого Апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове (ныне: Большой пр. В. О., 21—23). Его каменное здание было заложено в 1764 г. на месте сгоревшей деревянной церкви, построенной в 1728 г. Храм возводился по проекту архитектора А. Ф. Виста (1722—1794). Строительство было завершено в 1780 г. (*Павлов А. П. Храмы Санкт-Петербурга: Художественно-исторический очерк. Л., 1998. С. 56*).

²⁶ Влюбленный бес играет роль лекаря или сиделки, желая завоевать благодарность героини и тем самым подчинить ее своему влиянию. Сходный сюжетный ход встречается в повести Д. В. Полидори «Вам-

пир», где демонический персонаж выхаживает главного героя. В обоих случаях «бес сначала заботится об излечении героя или героини от болезни (в которой часто сам же повинен), после чего доводит их до смерти <...> лечение здесь — синоним и способ обретения власти над героем <...> тогда как уничтожение происходит в тот момент, когда герой уже выполнил <...> роль, навязанную ему бесом» (*Китанина Т. А.* Сюжет о безумной невесте и влюбленном бесе // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998. С. 139—140). Эта ситуация первоначально имела место в сюжете «Магнетизера» Э. Т. А. Гофмана (подробнее см.: Там же. С. 133—140).

²⁷ Собор Андрея Первозванного располагался в административной части Васильевского острова, тогда как домик Веры находился в противоположной стороне острова, у «последней возвышенности» перед взморьем; таким образом, расстояние было действительно весьма значительным.

²⁸ В Евангелии дьявол именуется «князем мира сего» (Ин. 12:31, 14:30, 16:11) или «князем бесовским» (Мк. 3:22; Мф. 9:34, 12:24; Лк. 11:15).

²⁹ Указы об обязательном наличии «брандмейстера, или огнегасительного мастера», а также заливных труб в пожарных командах Санкт-Петербурга были изданы при Екатерине II в 1782 и 1786 гг. В 1798 г. появился «Устав Столичного Города Санктпетербурга», согласно которому «город был разделен на части и кварталы, и на каждый квартал полагалось по одной малой и по две ручных трубы, а в каждой части — по две большие пожарные трубы» (*Чехов А. П.* Исторический очерк пожарного дела в России. СПб., 1892. С. 172—173, 178—179; о постановке пожарного дела в Санкт-Петербурге конца XVIII — начала XIX в. см. также: Быт пушкинского Петербурга. СПб., 2005. Т. 2. С. 183—186 (статья С. В. Денисенко и М. Н. Микишатева)). А. Коджак ссылается на эти факты как на свидетельство отнесенности событий повести к концу XVIII в. (*Коджак А.* Устная речь Пушкина в записи Титова. Р. 328).

³⁰ Имеется в виду церковная свеча достоинством в полтинник (50 копеек).

³¹ В России XVIII—XIX вв. *пенником* называли водку высшего качества, «полученную с применением тройной перегонки. Причем от третьей перегонки бралась только первая фракция, составлявшая 15—20% от всей выгонки. Она профильтровывалась через березовый уголь и разбавлялась чистой <...> водой в соотношении 100:24. “Пенник” стоил дорого, его могли позволить себе только состоятельные люди» (*Мирошниченко Л. Д.* Энциклопедия алкоголя. М., 1998. С. 363).

³² По мнению Ахматовой, затворническая жизнь Павла и симптомы его помешательства напоминают обстоятельства реальной биографии М. А. Дмитриева-Мамонова (см. выше, с. 393). Это предположение соответствует ахматовской интерпретации повести как произведения, имеющего скрытый декабристский смысл (подробнее см. выше примеч. 3). Данная гипотеза достаточно правдоподобна. П. А. Вяземский сообщил А. И. Тургеневу в письме от 20 сентября 1823 г., что Мамонов «шесть лет не выходил из своей комнаты в деревне и никого не видал, даже и слуг своих» (ОА. Т. 2. С. 347). Об избиении Мамоновым камердинера, нару-

шившего заведенный в доме порядок, сообщал П. Кичеев (см.: *Кичеев П. Из семейной памяти* // РА. 1868. № 1. Стб. 97—98; подробнее о политической подоплеке этого эпизода см.: *Лотман Ю. М. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель* // Тр. по русской и славянской филологии. П. Тарту, 1959. С. 57—60 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 78)). Известно также, что уже в состоянии клинического безумия Мамонов писал «указы», подписывая их «Владимир Мономах» (Там же. С. 89). О загадочном поведении Дмитриева-Мамонова, по всей вероятности, было известно и Пушкину, и Титову (о слухах, ходивших о Мамонове в Москве, см.: *Дельвиг А. И. Мои воспоминания*. Т. 1. С. 18). А. А. Ахматова склонялась к тому, чтобы приписать авторство финала повести последнему. «М<ожет> б<ыть>, — предполагала она, — Титов, когда было нужно изобразить безумие, просто записал все слухи о Дм<итриеве>-Мамонове. Как недавний москвич, он должен был быть “хорошо” осведомлен» (*Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году*. С. 171). Ю. М. Лотман, который счел эту версию «малоубедительной», настаивал на принадлежности описываемого фрагмента Пушкину (см.: *Лотман Ю. М. Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов*. С. 58). По мнению исследователя, ближайшим источником сведений поэта о знаменитом безумце мог быть П. А. Вяземский, который неоднократно проявлял интерес к Мамонову; будучи его близким соседом по имению, Вяземский даже пытался добиться личной встречи с затворником, но потерпел неудачу (Там же. С. 53—54). О внимании и интересе Пушкина к фигуре Дмитриева-Мамонова свидетельствует сюжет «Рославлева», куда поэт ввел упоминание об известном поступке Мамонова, в 1812 г. сформировавшего на свой счет конный полк (в этот полк вступает в повести жених Полины). Как предполагал Ю. М. Лотман, «вероятным откликом Пушкина на слухи о судьбе Дмитриева-Мамонова» является также стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1833) (см.: Там же. С. 55). Согласно гипотезе исследователя, в Дмитриеве-Мамонове Пушкин, неоднократно обращавшийся к «фаустовскому» сюжету, должен был видеть, в первую очередь, «не жертву политических преследований, а таинственную фантастическую фигуру “русского Фауста” <...> которого императорская реальность превратила в безумца. “Странные люди” вроде Мамонова <...> неизменно волновали Пушкина — они давали возможность увидеть бытовую реальность при свете фантазмагии, а фантазмагию понять как бытовую реальность» (Там же. С. 58—59).

³³ Изображение демона блондином могло иметь литературные источники. Этой точки зрения придерживался Р. Шульц, указавший, что «антагониста романа Ж. Казота “Влюбленный дьявол” зовут Бьондетта, то есть белокурая голова» (*Шульц Р. Пушкин и Книдский миф*. С. 14; ср.: *bionda* — блондинка (*итал.*)). Ахматова соотносила это описание с известным фактом пушкинской биографии — предсказанием гибели поэта от руки «белого» человека (см.: *Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году*. С. 169). О серьезности, с которой Пушкин относился к упомянутому предсказанию, см.: П. в восп. Т. 1. С. 6—7, 10, 200—201, 412—413, 415 (свидетель-

ства С. А. Соболевского, М. П. Погодина, В. А. Нащокиной, А. Н. Вульфа). По предположению Ахматовой, прототипом Варфоломея мог быть и Николай I, также имевший светлые волосы и серые глаза (см.: *Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году*. С. 174). Последняя гипотеза (хотя и нашедшая отклик в пушкиноведении, см.: *Званцева Е. П. Об истоках сюжета повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» // Болдинские чтения*. [1982]. Горький, 1983. С. 84—85) не имеет достаточных оснований.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009